

ного плана в план экспрессивно-эмоциональный. В афоризмах великий полководец использует эпитеты, противопоставления, сравнения; употребляет слова в переносном значении; использует межстилевую и разговорную лексику.

Полная народной мудрости, поговорка оживляет язык, он становится более ярким и эмоциональным. Афоризмы, как и фразеологизмы, – яркое стилистическое средство. Афоризмы делают сочинения А.В. Суворова более выразительными, живописными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: ННН, 1994. – 742 с.
2. Пигарев, К.Г. Солдат-полководец. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1943. – 164 с.
3. Суворов, А.В. Наука побеждать. – М.: Воениздат, 1980. – 32 с.
4. Суворов, А.В. Афоризмы / Собрал Т.И. Воробьев. – Л.: Микроформа, 1941.
5. Суворов, А.В. Заветы Суворова. Сборник суворовских изречений / сост. К.Г. Пигарев. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1943. – 28 с.
6. Суворов, А.В. Походы и сражения в письмах и записках. – М.: Военное изд., 1990. – 480 с.

УДК 81-112.2

Сицына-Кудрявцева А.Н.

*Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (г. Москва)*

**ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ
«ЯЗЫКОВАЯ НОРМА» С РАЗВИТИЕМ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ***

A. Sitsyna-Kudriavtseva

State Institute of the Russian language named after A. Pushkin

**FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE CATEGORY
«LINGUISTIC NORM» ALONG WITH DEVELOPMENT
OF THE CULTURE OF SPEECH**

Аннотация. В статье производится выявление причин, по которым возникло понятие «языковая норма», а также анализ его структуры. Привлечение внимания к категории «языковая норма» в рамках культуры речи было обусловлено рядом причин: изменениями в социальной жизни российского общества, сомнениями относительно возможности регулировать языковые процессы, осознаваемой потребностью в установлении отношений внутри дихотомии «система – норма».

В силу своей «разноприродности» категория «языковая норма» может быть полностью изучена только при комплексном подходе, который включает ее рассмотрение на философском, внелингвистическом и внутрилингвистическом уровнях.

На современном этапе развития культуры речи наблюдается расширение объема понятия «языковая норма», которое трактуется не только как образцовая, но и как прагматическая категория.

Ключевые слова: языковая норма, нормализаторская деятельность в языке, формирование категории «языковая норма», трансформация категории «языковая норма».

* © Сицына-Кудрявцева А.Н.

Abstract. This paper is devoted to understanding the origins of notion «linguistic norm» and analyzing its structure. Rising attention to the category of «linguistic norm» in the culture of speech in the early 20th century was due to several reasons. It was caused by changes in the social life of Russian society, by the doubts about the ability to regulate language processes, by the awareness of need to establish relationships between the dichotomy «system-norm».

Due to its heterogeneity, the category of «linguistic norm» can be fully understood only through an integrated approach that includes consideration of the philosophical, extralinguistic and intralinguistic levels.

At the present stage of development of speech one observes expansion of the concept of «linguistic norm», which is interpreted not only as a model, but as a pragmatic category.

Key words: linguistic norm, normalization activities in the language, formation of the category «linguistic norm», transformation of the category «linguistic norm», the origin of the notion «linguistic norm».

Во всех трудах, посвященных проблемам культуры речи, центральными являются понятия «литературный язык» и «языковая норма». В данной работе будет обращено внимание на формирование и структуру последнего понятия, так как именно оно является той системной единицей, вокруг которой конструируется «здание» культуры речи.

Прежде всего рассмотрим причины, по которым произошло обращение к данной категории. В качестве одной из главных причин лингвисты, в том числе и Л.К. Граудина, называют вовлечение в общественную жизнь народных масс, не владеющих нормами русского языка [8, 30–34]. Однако, на наш взгляд, не только названная причина мотивировала обращение к категории «языковая норма», но и те сомнения относительно возможности регулировать языковые процессы, которые существовали в лингвистике XIX века. Нормализаторская деятельность в языке, начавшая активно развиваться во времена М.В. Ломоносова, к концу XIX века практически прекратилась. С.И. Ожегов так писал о данном факте: «Традиции М.В. Ломоносова и академика А.Х. Востокова, всегда заботившихся о нормализации литературной речи на научных основах, были забыты. Задачей языковедов считалось лишь объективное описание фактов языка» [11, с. 254]. Показательно, что описываемый скепсис в конце позапрошлого – начале прошлого века наблюдался не только в рамках русской лингвистики, но и в рамках языкознания других стран, о чем упоминает в своей статье Я. Кухарж [9, с. 307–313]. Таким образом, возникновение культуры речи, а вместе с ней и формирование понятия «языковая норма» имело не только социальную обусловленность, но и носило характер протеста против анархических настроений, царивших в лингвистике того времени.

Как известно, в конце XIX – начале XX вв. наблюдается расцвет отечественной и зарубежной лингвистики. Это время постижения законов функционирования языковой системы, время выделения образующих ее единиц. Изучение системы, освоение процессов ее функционирования невозможно без обращения к понятию «норма». Л.К. Граудина отмечает: «Языковая норма, хотя бы и неосознанная, свойственна разным формам существования языка – диалектам, языку народностей, общенародному языку» [8, с. 32]. Это, безусловно, отражает факт ее связи с системой и невозможность осмысления одного члена дихотомии без другого. Вышеизложенное приводит нас к мысли о том, что обращение к культуре речи и выделение в ее рамках в качестве одного из основных понятий категории «языковая норма» в начале XX века было обусловлено в том числе и еще только осознаваемой потребностью в установлении отношений внутри дихотомии «система – норма», так как создание теории формирования нормы Э. Косериу приходится на конец 1960-х годов (См. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. – М., 2010). Предпосылками послужили работы по теории лингвистики Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского и др. Категория «языковая норма» оформляется в начале XX века в рамках зарождающейся на тот момент культуры речи как элемент, необходимый не только для регуляции, но и для осмысления языковой системы.

Выяснив причины, по которым произошло обращение к понятию «языковая норма» в рамках культуры речи в 1930-е годы, необходимо остановиться на структуре данной категории. Ввиду многоплановости понятия «языковая норма» целесообразным представляется разделение его на несколько уровней. Перечислим их: философский, внелингвистический, лингвистический уровень, подразделяющийся на обще- и частнотеоретический, практический и междисциплинарный. Все перечисленные уровни можно представить в виде взаимопроникающих пластов, соединенных «монолитом» рассматриваемого в их рамках явления.

На философском уровне явление языковой нормы может быть соотнесено с такими категориями, как время и движение. Категория времени является одной из фундаментальных в философии. Начиная со времен античности она связывается с понятиями прошлого, настоящего и будущего. Категория движения в философии мыслится как перемещение в пространстве, которое сопряжено с временными изменениями. **В концепции Аристотеля, который одним из первых предпринял попытку теоретического осмысления данных философских понятий,** время измеряется движением, которое, в свою очередь, является мерой времени [1, с. 153-215]. В теории языковой нормы посредством указанных философских понятий выявляются такие черты названной категории, как статика и динамика ее развития, ее этническая, социальная, эстетическая и культурная обусловленность, отношения с системой и узусом, влияние на нее вкуса, моды, отношения с вариантно-стью и др. Таким образом, философский уровень, что закономерно, определяет содержание всех вышеперечисленных внелингвистических и лингвистических уровней описания языковой нормы.

Внелингвистический уровень выявляет такие особенности языковой нормы, как ее связь с психологическим, психическим, социальным, культурным, этическим и эстетическим бытием человека. Филологами

неоднократно отмечалось, что в формировании языковой нормы играют роль внешние и внутренние факторы. Данный взгляд формируется еще Пражским лингвистическим кружком, позднее его придерживается Э. Косериу. В труде «Синхрония, диахрония и история» (1958) лингвист отмечает, что язык не изолирован от внешних факторов, под которыми он понимает историческую обстановку и свободу выражения говорящих. Норма является реализованной моделью, сформировавшейся в рамках языковой системы. Таким образом, на нее, как на продукт, создаваемый этой системой, влияют те же факторы, что и на систему в целом.

К внутренним факторам, влияющим на формирование рассматриваемой языковой категории, можно отнести психологический и психический: рождение и использование нормативных единиц происходит при участии сознания человека в соответствии с навыками, приобретенными в языковом сообществе. Идеи, которые в дальнейшем повлияли на разграничение понятий «норма» и «кодификация», были сформулированы Б. Гавранком [16, с. 86-87]. Итак, на психологическом и психическом уровнях при помощи мышления членом социума производится отбор языковых средств, считающихся пригодными к употреблению при производстве речевой деятельности.

Очевидно, что психологический и психический аспекты языковой нормы сопрягаются с социальным. На социальную обусловленность языковой нормы указывает следующее рассуждение Л.В. Щербы: «...малейшие изменения в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы <...> немедленно отражаются на изменении речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом...» [15, с. 29]. Изменения в социальной жизни общества влекут за собой расшатывание старых норм и замену их новыми. В современности примером тому могут служить изменения норм всех уровней, фиксируемые языковедами (См., например, Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996).

На формирование языковой нормы влияет не только социальная жизнь общества, но и культурная ситуация в коллективе. По мнению Ю.В. Рождественского, культура пользуется рядом механизмов, одним из которых является хранение фактов культуры. Он дает следующее определение факту культуры: «Факт культуры – не любой факт, а факт, представляющий либо правило, либо прецедент» [12, с. 13]. Иными словами, чтобы стать фактом культуры, явление, вещь выбирается из ряда других на основе своей многократной воспроизводимости или уникальности. При таком понимании языковую норму можно расценивать как факт культуры, так как, с одной стороны, норма призвана сохранять языковые ценности, с другой – одной из ее характеристик выступает именно многократная воспроизводимость.

Как известно, культура формируется в рамках этноса, рождающего свой уникальный речевой этикет. Если считать языковую норму «объединяющим и цементирующим звеном в сложной структуре литературного языка, которое придает ему характер упорядоченности, избирательности и общеобязательности» [3, с. 36], то этический компонент органично войдет в данную многоуровневую языковую категорию. Он будет определять пределы варьирования названного понятия.

Эстетический компонент также присутствует при определении природы языковой нормы. В рамках названного компонента отражаются представления человеческого сообщества о прекрасном и некрасивом. Безусловно, данный компонент находится в связи с культурным и этическим, так как представление о том, что красиво, а что нет, формируется в рамках этноса и отечественной культуры. На наш взгляд, выделение эстетического компонента в качестве составляющей языковой нормы обусловлено идеей о языковом вкусе, развиваемой в работах В.Г. Костомарова [7, с. 5-13].

Из изложенного следует, что формирование языковой нормы происходит под воздействием ряда внелингвистических факторов, которые оказывают существенное

влияние на ее природу: во-первых, психологический и психический факторы определяют потребность в отборе языковых средств, считающихся нормативными, т. е. формируют границы разбираемого понятия; во-вторых, социальный фактор определяет динамику развития языковой нормы, приоритеты, которыми руководствуются на данном временном этапе при выборе нормативного варианта; в-третьих, культурный компонент определяет такой признак языковой нормы, как ее распространенность, кроме того, возводит данную языковую категорию в разряд ценностных; в-четвертых, этический фактор влияет на формирование тех границ, в пределах которых оно способно варьировать; в-пятых, эстетический компонент языковой нормы предстает в виде вкусовых предпочтений эпохи.

Все вышеперечисленные уровни участвуют в формировании языковедческого взгляда на природу языковой нормы, определяют ее лингвистические характеристики.

На общелингвистическом уровне можно выделить такое соотношение, выявляющее природу языковой нормы, как триада «система – норма – узус», а также представить ее характеристику с точки зрения синхронии и диахронии.

В пределах триады «система – норма – узус» первый член традиционно трактуется в соответствии с определением Ф. де Соссюра (об этом пишут К.С. Горбачевич, А.В. Звегинцев, О.А. Лаптева и др.), который понимает его как «совокупность языковых явлений, которые могут быть представлены в виде сети противопоставлений – структуры» [10, с. 59]. Узус мыслится «как совокупность языковых навыков, принятых в данном обществе...» [5, с. 561]. Норма формируется в рамках возможных реализаций, предлагаемых ей системой. Вместе с тем, являясь моделью общественного языкового сознания, она оформляется в узусе, т. е. в регулярном употреблении языковых единиц.

Итак, в рамках системы определяются координаты возможных путей реализации нормы, в пределах узуса происходит выде-

ление наиболее жизнеспособных, а значит, наиболее соответствующих системе и языковым вкусам норм, а также формирование нормативных вариантов. Вместе с тем соотношение «система – норма – узус» порождает типологию норм языковой коммуникации (термин А. Едлички), в рамках которой выделяются нормы системные и коммуникативные [4, с. 135-148]: первые соотносятся с понятием правильности, таким образом, на главные позиции выходит система, вторые – с понятием коммуникативной ситуации, т. е. здесь на первый план выходит узус. Кроме того, дихотомия «система – норма» рождает такие разновидности, как норма императивная и диспозитивная, субъективная и объективная.

Являясь продуктом системы и узуса, норма впитывает в себя их особенности, которые оформляются в таких ее характеристиках, как статичность и динамизм. Названные характеристики, на первый взгляд несочетаемые, дополняют друг друга. Статичность нормы проявляется в таких ее частнолингвистических признаках, как консерватизм и устойчивость, и проистекает из того факта, что данное явление рождается в рамках системы, по ее законам; система же, характеризующаяся открытостью и изменяемостью, вместе с тем имеет пределы развития, определяющие границы развития описываемого нами понятия. Динамизм данной языковой категории определяется фактом зависимости нормы от узуса, который подвержен изменениям в связи с изменением жизни общества. Разбираемые характеристики нормы в рамках культуры речи оформились в динамическую теорию нормы.

Таким образом, в рамках динамической теории найдено объяснение двунаправленной природе нормы, произошло детальное осмысление данной теоретической категории.

Из общелингвистических соотношений, определяющих природу языковой нормы, проистекают частнолингвистические признаки данного понятия, влияющие на формирование некоторых его разновидностей. К частнолингвистическим признакам нормы

можно отнести следующие: устойчивость и консерватизм, распространенность, кодифицированность, ориентация на авторитет источника.

На практическом уровне происходит «деление» нормы на частные разновидности в зависимости от принадлежности к тому или иному уровню языковой системы, вследствие чего выделяют нормы произношения, словоупотребления, словообразования, кроме того, орфографические, пунктуационные, морфологические и синтаксические нормы. Функционирование всех частных разновидностей языковой нормы осуществляется в границах возможностей, предоставляемых системой и узусом. Важно подчеркнуть, что они складываются под влиянием внелингвистических и лингвистических факторов.

Типология норм, успешно развиваемая в последние десятилетия в русской и зарубежной лингвистике, а также признание возможности сосуществования двух нормативных вариантов (взгляды К.С. Горбачевича, А. Едлички, Л.В. Щербы) выводит категорию «языковая норма» на междисциплинарный лингвистический уровень, где она соотносится с понятиями дискурса и текста. Если исходить из такого понимания дискурса, как «тематически и грамматически целостное произведение, удовлетворяющее условиям связности последовательных предложений-высказываний, в котором находят разрешение коммуникативные целеустановки, интенционные замыслы автора...» [14, с. 83], то на первый план выходит его прагматическая направленность, которая при разработке типологии «норм языковой коммуникации» воплощается в термине «ситуативно-коммуникативная сфера», включающем в объем своего понятия сферы общественной деятельности и ситуации общения.

Соотношение «норма – текст» возможно трактовать в узком и широком смысле. Широкая трактовка возникает при понимании текста в рамках узуса, где он мыслится как «сумма текстов» (взгляд О.А. Лаптевой) той или иной разновидности литературного языка, обладающая своей структурной

спецификой и системной организацией [10, с. 64]. При таком подходе норма варьирует в зависимости от принадлежности текста к той или иной разновидности литературного языка, что отсылает нас к понятию сферы деятельности, рассматриваемому при описании отношений нормы и дискурса. В узком понимании норма соизмеряется с текстом как единичным произведением. При разной трактовке самого понятия «текст» в современной лингвистической литературе не вызывает возражений положение о том, что данная речевая категория – единица коммуникативного уровня (См., например, Гальперин И.Р. – М., 1981). Из изложенного следует, что при создании текста выполняется речевое задание, выбранное автором. Данный тезис позволяет соотнести категорию текста с понятием «норма» на уровне коммуникативной целесообразности, при участии которой реализуется целеустановка текста.

Итак, норма способна варьировать в пределах дискурса-текста в зависимости от сферы, ситуации общения и речевого задания, программируемого автором произведения.

Определение причин, по которым произошло обращение к понятию «языковая норма», и его структурный анализ позволяют нам прийти к следующим выводам.

Во-первых, обращение в начале прошлого века к категории «языковая норма» в рамках культуры речи и работа над его теоретическим осмыслением были обусловлены развитием общей теории языкознания, в частности, теории функционирования языковой системы и вновь актуализированной мыслью о том, что за языковыми процессами требуется не только наблюдать, но и регулировать их (Г.О. Винокур и др.).

Во-вторых, в силу своей «разноприродности» категория «языковая норма» может быть полностью изучена только при комплексном подходе, который предполагает философский, внелингвистический и внутрилингвистический уровни. Можно утверждать, что названное понятие имеет философские основания, ввиду того что его осмысление невозможно без привлечения категорий времени

и движения. Вместе с тем природа языковой нормы определяется внелингвистическими факторами, к которым можно отнести изменение социума, его психологических, эстетических, этических, культурных установок, и внутрилингвистическими, как-то: развитие языка, законы и возможности системы, изменение узуса. Отношения нормы с системой и узусом, связь со временем позволяют выявить ее частные характеристики, к которым принято относить устойчивость и консерватизм, распространенность, ориентацию на авторитет источника, кодификацию, объективно-субъективный характер.

В-третьих, на современном этапе развития культуры речи наблюдается расширение объема понятия «языковая норма», которое трактуется не только как образцовая, но и как прагматическая категория.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Первого, В.В. Розанова. – М., 2006. – 227 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.
3. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. – М., 2009. – 240 с.
4. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XX. 1988. – С. 135-148.
5. Емельянова О.Н. Узус // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 561–562.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. 3-е изд. – М., 2010. – 204 с.
7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999. – 320 с.
8. Культура русской речи: Учебник / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 2008. – 560 с.
9. Кухарж Я. Регулятивный аспект культуры речи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XX. 1988. – С. 307–313.
10. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учебник. – М., 2003. – 351 с.
11. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. – М., 1974. – С. 251-276.

12. Рождественский В.Ю. Введение в культуроведение. – М., 1999. – 288 с.
13. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1996. – 478 с.
14. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007. – 480 с.
15. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. 4-е изд. – М., 2008. – С. 24-39.
16. Havranek V. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. – 346 с.

УДК 811.161.1'36

Шихонина А.Д.

Московский государственный областной университет

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ ПРИ ГЛАГОЛЬНОМ ИМПЕРАТИВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ЛАТИНСКИМ*

A. Shikhonina

Moscow State Regional University

NEGATIVE IMPERATIVE CATEGORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH THE LATIN LANGUAGE)

Аннотация. В статье анализируется один из аспектов логико-грамматической категории отрицания, а именно – отрицание при глагольном императиве. Анализ производится на материале Деяний святых апостолов. Целью работы является сравнение грамматических средств выражения отрицания в русском и латинском языках в избранном тексте. Анализ языкового материала показывает, что как русский, так и латинский глагольный отрицательный императив реализуют в структуре Священного Писания запретительные поведенческие нормы, которые являются базовыми для христианской цивилизации.

Ключевые слова: отрицание, русский язык, латинский язык, глагол, императив, запрет.

Abstract. The paper deals with one of the aspects of logical-grammatical categories of negation, namely the negative imperative form. The aim of this work is to describe and compare negative imperative forms in the Russian and Latin languages. The material for this research was taken from “Actus Apostolorum”. The analysis of the linguistic material shows that both Russian and Latin negative imperative forms represent in Bible prohibitive behavioral standards, that are basic for Christian civilization.

Key words: negation, the Russian language, the Latin language, verb, imperative forms, prohibition.

Логико-грамматическая категория отрицания тесно связана с внеязыковой действительностью, с реалиями человеческой жизни.

В научной философской традиции отрицание определяется следующим образом: «1. Отрицание рассматривается как необходимый момент развития, условие качественного изменения вещей. 2. Логическая операция, с помощью которой из данного высказывания порождается новое высказывание (отрицание исходного), такое, что если исходное высказывание было истинно, то его отрицание ложно, и наоборот» [11, с. 349]. В языке отрицание определяется как «выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не

* © Шихонина А.Д.